

А. В. Ганин
(Москва)

События 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П. С. Махрова

В статье проанализированы неопубликованные воспоминания генерала П. С. Махрова о событиях революции и Гражданской войны на Украине в 1917–1919 гг. Мемуары Махрова являются важным источником по различным событиям конца XIX — первой половины XX в., прежде всего по истории Первой мировой и Гражданской войн. Мемуарист подробно освещает процесс украинизации Юго-Западного фронта в конце 1917 — начале 1918 г. и поведение офицерства в этой связи, деятельность офицеров в период существования Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского и последующий выбор.

Ключевые слова: *Гражданская война, революция, Украина, офицерство.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.11

Появление в 1917 г. независимого украинского государства поразило сознание современников. Для образованных русских людей украинский национальный проект казался чем-то анекдотическим, шокирующим и непонятным¹.

Наиболее острый конфликт мировосприятия возникал между носителями диаметрально противоположных взглядов. Например, между сторонниками украинства и русскими офицерами. В этом смысле чрезвычайно интересны неопубликованные воспоминания русского генерала Петра Семеновича Махрова (01.09.1876 — 29.02.1964), посвященные событиям на Украине в 1917–1919 гг.

Обширные (общим объемом около 5,5 млн знаков) воспоминания П. С. Махрова хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Написанные в 1950-х — начале 1960-х гг. в Каннах, они охватывают практически всю жизнь мемуариста с 1890-х по начало 1950-х гг. Значимость этого мемуарного свода как источ-

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

ника по военно-политической истории России и русской эмиграции с конца XIX по середину XX в. трудно переоценить. Разумеется, это не отменяет критического отношения к воспоминаниям и необходимости проверки изложенных в них сведений.

События конца 1917 — начала 1919 г. на Украине затронуты в той части воспоминаний, которая носит название «Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г.». Написаны они спустя тридцать пять лет после событий в марте — ноябре 1953 г., чем объясняются многочисленные фактические неточности и ошибки в тексте. Непосредственно украинские сюжеты освещаются в четырех из семи тетрадей этой части воспоминаний, являющейся, несомненно, одной из наиболее интересных.

Осенью 1917 г. П. С. Махров был произведен в генерал-майоры. С октября 1917 г. служил исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба армий Юго-Западного фронта. К этому времени относилась его единственная встреча с командиром XXXIV армейского корпуса генералом П. П. Скоропадским, будущим гетманом Украины. Последний никак не проявил в беседе своих национальных симпатий, однако этот разговор имел для Махрова неожиданные последствия летом 1918 г. Тогда Махров получил назначение на украинскую службу помощником генерала Н. Н. Головина по заведыванию военным архивом Юго-Западного фронта в Одессе. Махров вспоминал, что «в должность не вступил, т. к. я был великоросс и не считал возможным служить на украинской военной службе»². При этом шовинистом Махров себя не считал³.

Восприятие Махровым Украины и украинского народа, на наш взгляд, с определенными оговорками концентрируется в его цитате об украинских федералистах, которых «прельщала красота родной страны, музыкальная речь малоросского языка, им люб был прекрасный народ Украины с его мелодичными и веселыми песнями, с его юмором и отвагой, но вместе с тем они сознавали превосходство русской науки и культуры и пуще всего боялись москальской силы»⁴. Оптимальным форматом взаимодействия Украины и России Махров считал систему, возникшую во времена Богдана Хмельницкого.

По оценке генерала, «украинизация и мусульманизация войсковых частей на Юго-Западном фронте в общем не вызывала никаких затруднений, но образование украинской государственности было одним из самых больных вопросов, т. к. оно влекло за собой анархию, затруднявшую снабжение войск. Кроме того, украинская Рада склонна

была подчинить себе и командование фронтом, что было совершенно недопустимым с военной точки зрения»⁵.

Суждения Махрова об украинском национальном движении и его вождях довольно резкие, что неудивительно: «К власти стремились все, считавшие себя способными к государственному строительству. Первое место среди них занимал самый невежественный элемент украинской полуинтеллигенции. В головах их царил хаос понятий о современной государственности с легендами о доблестях запорожцев и всевозможных гетманов. Настоящая украинизация началась с появлением украинской рады, возглавляемой тремя безголовиями в лице профессора Грушевского, писателя Винниченко и бухгалтера земской управы Петлюры, выгнанного в молодые годы из семинарии за воровство»⁶.

Возмущение генерала подкреплялось негативным личным опытом взаимодействия с лидерами украинского национального движения С. В. Петлюрой и В. К. Винниченко в ноябре 1917 г. в Бердичеве. Тогда Петлюра пытался подчинить себе штаб Юго-Западного фронта, поскольку тот находился на украинской территории⁷. Все беседы, по свидетельству Махрова, велись на русском языке, хотя Петлюра иногда вставлял фразы «на галичанском наречии»⁸. Характеристики Петлюры уничижительные. По оценке Махрова, он производил жалкое впечатление и был похож на фигляра из провинциального театра⁹.

По свидетельству Махрова, новыми украинскими властями были арестованы командующий войсками Киевского военного округа генерал М. Ф. Квецинский, его начальник штаба полковник С. М. Трухачев, комиссар Временного правительства меньшевик И. И. Кириенко с состоящим при нем ротмистром Лодыженским. Полковнику Трухачеву удалось бежать и добраться до Бердичева, остальные сидели в тюрьме. Вскоре арестованных освободили, инцидент был исчерпан.

Об украинской Центральной Раде Махров отзывался как о сборе политиков разных мастей. Наиболее самоуверенными и глупыми среди них он считал «щирых» сепаратистов из интеллигенции и полуинтеллигенции. Их притязания распространялись на Кубань, Крым и Черное море. Другую группу представляли эсеры — «всевозможные авантюристы, болтуны и пустоцветы, по своему мировоззрению и деятельности мало уступавшие керенщине»¹⁰. Третья группа состояла из федералистов, выступавших за Украину в составе России, хотя и колебавшихся в вопросе формы такой федерации. Еще одной группой по классификации мемуариста являлись разнородные социалисты.

Критически отзывался Махров о председателе Центральной Рады М. С. Грушевском, который «своим авторитетом историка включил в

пределы Украины Галицию и Угро-руссию и своей ученостью заразил красивый певучий народный язык Малороссии жаргоном русско-литовско-польского языка, непонятного для простого народа...»¹¹.

Резюмировал генерал следующим образом: «Вот из этой полуграмотной, некультурной среды выдвигались люди на государственные посты и разного рода должности. Со многими из них мне приходилось сталкиваться по делам службы в роли генерал-квартирмейстера и начальника штаба Юго-Западного фронта. Я поражался их развязностью, самоуверенностью и их невежеством, чтобы не сказать глупостью.

Мне казалось, что это не действительность, а кошмарный сон. Они уже не говорили по-украински, а “балакали на мове”, которую, кроме Грушевского, никто не понимал»¹².

Неприятие вызывала и украинизация офицерства. Некоторые офицеры начали делать карьеру на украинской службе. Махров вспоминал помощников украинского комиссара П. Певного военных топографов капитанов братьев Удовиченко, которые являлись очень хорошими офицерами, а теперь стали избегать встреч с Махровым, стыдясь своей новой карьеры.

3 декабря 1917 г. войска Центральной Рады захватили штаб фронта. Казачьи части заняли враждебную позицию по отношению как к украинским властям, так и к большевикам. Попытки временно исполняющего должность главнокомандующего армиями фронта генерала Н. Н. Стогова сгладить конфликт с украинцами результата не дали. Украинские власти рассчитывали разоружить войска без борьбы, однако реализовать этот замысел в полной мере не удалось. Конфронтация дезорганизовала железнодорожное сообщение, в результате чего на фронте начался голод.

На страницах воспоминаний встречаются такие характеристики и наблюдения, которые невозможно выявить в других источниках. Любопытно обсуждение старшими офицерами в штабе Юго-Западного фронта в конце декабря 1917 г. своих дальнейших действий. Тогда у главнокомандующего армиями фронта генерала Н. Н. Стогова собрались двое друзей и однокашников по Николаевской академии: и. д. начальника штаба фронта генерал П.С. Махров и и. д. генерал-квартирмейстера полковник Н. Н. Петин. Обсуждали приход к власти большевиков и развернувшуюся украинизацию. На вопрос Стогова, что делать, будущий военный специалист РККА Петин, не задумываясь, ответил, что нужно идти со своим народом. Стогов, также пошедший в РККА, но ставший там крупным белым агентом, с этим

согласился: «Вот так думаю и я, надо идти с нашим[и] православными»¹³. Будущий белый генерал Махров не дал однозначного ответа: «Я думаю, что пока я не вижу ни “православных”, ни “народа” и за большевиками не пойду... И за вильну Украину сражаться не буду...»¹⁴ После этого Стогов добавил: «Ну, братец мой, ты задумал уж что-то мудреное»¹⁵.

В январе 1918 г. чины штаба фронта стали покидать Бердичев. Офицеры-великороссы не считали возможным продолжать службу под украинским командованием. Генерал Н. Н. Стогов 14 января уехал в Киев, где переоделся в штатское платье, сбрил бороду, надел темные очки и отправился в Москву. Махров, имея отпускной билет, задержался в Бердичеве, временно заняв должность главнокомандующего. Полтава, где жили родственники его супруги, была занята красными, что и стало причиной задержки. В Бердичеве вынужденно оставался и Н. Н. Петин.

Тем временем украинцы выбрали своего главнокомандующего — штабс-капитана Ф. Кудрю. По характеристике Махрова: «это был украинский Крыленко, но только неизмеримо глупее его, авантюрист, превосходивший Крыленко своей несерьезностью, но довольно добродушный кадровый офицер лет 32, сохранивший воспитание, данное ему русской военной школой.

Около 12 часов 16го января он пришел в мой кабинет штаба вместе с комиссаром Певным. Оба они были, что называется, в телячьем восторге: взволнованные с сияющими лицами, как будто совершилось что-то чрезвычайно великое, важное и хорошее. Любезно поздоровавшись со мной, новый “головной отаман” фронта обратился ко мне с просьбой, чтобы я не покидал фронта и занял у него должность начальника штаба.

Я поблагодарил его, не скрою, с лицемерной куртуазией пожелал ему успеха и, конечно, отказался от “столь лестного для меня предложения”, но просил его оставить в моем распоряжении мой автомобиль для моего отъезда в Киев, на что он с удовольствием дал свое согласие»¹⁶.

В качестве начальника штаба фронта Махров порекомендовал полковника Н. А. Капустянского, известного федералистскими взглядами. Между тем известно, что Капустянский еще 25 декабря 1917 г. был назначен С. В. Петлюрой исполняющим должность начальника штаба 11-й армии¹⁷. Впрочем, 30 января 1918 г. Капустянский действительно занял пост начальника штаба фронта, а в дальнейшем сделал неплохую карьеру в украинской армии¹⁸.

30 января 1918 г. Махров уехал в Житомир. Обстановка там поражала: «Город был переполнен. На улицах толпились отряды украинцев, гайдамаки с оселедцами, беглецы из Киева со своим жалким багажом, и стройными колоннами в образцовом порядке проходили польские уланы. Как безумные носились на штабных автомобилях украинские комиссары и члены фронтовой рады. Попытка наша найти комнату в гостинице не имела успеха. Все было занято, переполнено польскими и украинскими офицерами и другими лицами, приехавшими раньше нас»¹⁹. На следующий день Махров в эшелоне Самурского полка выехал в Полтаву, куда прибыл 5 февраля и поселился у родителей супруги (главой семейства был отставной полковник А. И. Бафталовский).

По описанию тестя Махрова, деятельность в Полтаве украинских властей

нельзя было иначе назвать, как комедианством. Всевозможные «отаманы», «комиссары», «гайдамаки», петлюровское войско, даже после керенщины, было смехотворно по своей пошлости и глупости, но грабежами и воровством и взяточничеством они превзошли всякую «революционную совесть» Керенского.

И все же даже при этой жизни, напоминавшей дом умалишенных, мы еще не испытывали лишений. Никто не придавал серьезного значения и не верил в возможность существования самостоятельной Украины²⁰.

По свидетельству Махрова, полтавская интеллигенция преобразилась — исчезли каракулевые пальто и шляпы, белоснежные воротнички и галстуки. Все переоделись в скромные серые пальто, в которых прежде ходила прислуга, женщины надели на головы шерстяные платки.

Тягостными были рассказы очевидцев о занятии Киева частями Красной армии в январе 1918 г. Поначалу, как отмечал Махров, обыватели радовались изгнанию украинской власти, однако затем красноармейцы начали грабить население, офицеров арестовывали и расстреливали в Мариинском парке. По мнению мемуариста, тогда погибло от трех до пяти тысяч офицеров, что представляется значительным преувеличением²¹.

Этот период своей жизни Махров характеризовал как существование без определенных целей с мелочными житейскими заботами. Участие в Гражданской войне претило Махрову. Он собрался заняться педагогической деятельностью. Пока же, как и многим другим офицерам, приходилось выжидать.

В марте 1918 г. полтавчане ожидали прихода немцев. Махров, как он сам отмечал, не был исключением, хотя в эмиграции при написании мемуаров стыдился тех своих ожиданий. С приходом немцев Махровы «достали все продукты и начали жить по-человечески. Немцы вели себя очень корректно. Городская дума вступила в управление городом. Жизнь потекла мирным порядком, какого жители давно не знали»²². Отношение Махрова к украинской власти было ироничным. Так, он отметил, что «Рада поместилась в педагогическом музее, стены которого краснели от глупейших речей всевозможных демагогов, обещавших казачьей Украине вольность и социалистический рай»²³.

Махров свидетельствовал, что германская оккупация не встретила сопротивления, описывал восстановление немцами транспортной инфраструктуры, пострадавшей в результате боевых действий. В то же время иллюзий в отношении целей и задач немцев он не питал, справедливо считая целью немецкой оккупации отрыв Украины от России и эксплуатацию богатств занятой территории.

Опорой немцев при установившемся в конце апреля 1918 г. режиме гетмана П. П. Скоропадского стали крупные землевладельцы. Прежний сослуживец генерал В. П. Бреслер предложил Махрову должность помощника во главе так называемого Хлеб-бюро в Полтавской губернии. Эта организация занималась поставками немцам зерна. Махрову приходилось инспектировать мукомолов, проверяя количество принятого зерна и сданной муки. Служба позволила Махрову, в свою очередь, трудоустроить целый ряд знакомых офицеров. Немцами был на широкую ногу поставлен вывоз с украинской территории различных запасов. Каждый офицер и солдат был обязан еженедельно отправлять на Родину продовольственную посылку весом в 4 кг. Любопытно, что Украина сохраняла тогда почтовое сообщение с РСФСР. В частности, в мае 1918 г. Махров получил из Москвы письмо от своего прежнего сослуживца Ф. Е. Махина.

Киев при гетманской власти стал более оживленным. Открылись магазины, в город стали стекаться многочисленные беженцы, надеявшиеся переждать Гражданскую войну. Махров, как и другие современники, отмечал доброжелательное отношение Скоропадского к русским. Гетман оказывал помощь офицерам, принимал многих на службу. На Украине активно работали представители Добровольческой армии. Среди прочих явлений жизни при гетмане Махров отмечал возобновление работы русских школ. Вместе с тем Махров обращал внимание и на продолжавшуюся украинизацию²⁴, а также на то, что границы Украины в представлении Скоропадского существенно

превосходили собственно украинские территории. Они включали Западную Галицию, Новороссию, Приазовье и Кубань, «даже и Крым был поставлен под вопросом, быть ему или не быть украинским»²⁵.

При гетманской власти армии на Украине фактически не было. Она планировалась в составе восьми корпусов²⁶, причем реально сформированы были лишь кадры штабов. Немцы не видели необходимости в создании украинской вооруженной силы²⁷, в рядах которой неизбежно оказались бы тысячи бывших офицеров русской армии.

Часть офицеров смогла устроиться в различные военные учреждения и штабы. Махров отмечал трансформации, происходившие с офицерами, которые демонстративно забывали русский язык и делали вид, что говорят на украинском, хотя носители языка их не понимали. Помимо военной службы офицеры искали заработка любыми способами. Особенно тяжело было их видеть в роли официантов. Некоторые при этом не снимали даже орденов.

Вспоминая о руководстве украинского военного ведомства, Махров высоко оценивал известного ему по Первой мировой войне украинского военного министра генерала А. Ф. Рагозу. Помощник Рагозы полковник Ю. А. Корниенко также был известен Махрову лично как неутомимый труженик, не гнавшийся за карьерой. Хвалебных характеристик удостоились начальник Генштаба подполковник А. В. Сливинский и корпусные командиры гетманской армии, в особенности генерал В. А. Слюсаренко — прежний сослуживец Махрова²⁸.

В Генеральном штабе Махров встретил своих прежних сослуживцев подполковников Н. А. Капустянского и В. В. Колосовского. От встречи с А. В. Сливинским Махров отказался. Интересны впечатления Махрова от общения с украинизировавшимися сослуживцами. Так, по словам Махрова, Капустянский считал Украину неспособной существовать без России, но стоящей в культурном отношении достаточно высоко. «С детской наивностью он противопоставлял Шевченку Пушкину, сожалея, что талантливейший писатель, малоросс Гоголь написал свои произведения на русском языке, упомянул о Котляревском как о каком-то таланте вроде Шекспира, которого в России никто не читал²⁹. Забросал меня названиями произведений Короленки и Винниченки и, исчерпав свой скромный каталог, не убедил меня в превосходстве украинской культуры»³⁰.

Колосовский, по свидетельству Махрова, был человеком русской культуры, хотя и украинцем по происхождению, разделявшим самостоятельные идеи, но не «щирым». «Беседуя с Колосовским на эту тему, я посмеивался над химерическими мечтаниями Скоропадского, убеж-

денный в том, что рано ли, поздно ли вопрос о границах Украины будет решать Россия, а не немцы»³¹.

Еще одним офицером, с которым Махров беседовал, стал полковник М. М. Дидковский. Это был также человек русской культуры, попавший на украинскую службу, по предположению Махрова, по тем же причинам, что и сам он в Хлеб-бюро.

Махров вспоминал, что «беседовал с ними как с товарищами по русскому Генеральному штабу, как с людьми одной школы, посмеиваясь над их энтузиазмом, звучавшим отдаленным эхом эпохи Запорожья и гетманов 16го и начала 17го века»³².

По оценке Махрова, за полгода существования гетманской Украины, к октябрю 1918 г., русские беженцы, прежде всего офицерство, смогли на этой территории отдохнуть и восстановиться после событий 1917 — начала 1918 г.³³ Русские генералы даже поднимали бокалы за здоровье Скоропадского, благодаря которому получили полугодичный отдых³⁴.

По мере ухудшения положения Германии становилось очевидным, что гетманский режим без немцев не продержится. В октябре 1918 г. крестьяне прекратили подвоз зерна, железные дороги стали работать с перебоями. Гетманская армия по-прежнему располагала почти исключительно штабами (к ноябрю в Полтаве имелся лишь штаб корпуса и десятка писарей при нем³⁵). Начало внутриукраинской Гражданской войны Махров отождествлял с антигетманским восстанием в ноябре 1918 г. Противостоять восставшим могли только немецкие войска, но они держались в стороне. В Киеве и других местах были сформированы русские добровольческие отряды, выступившие против украинских радикалов. К этому времени у Махрова под влиянием различных факторов (в том числе взглядов родных) укрепилась мысль о переходе на службу в Добровольческую армию. Тяга к белым наблюдалась и у других офицеров. В частности, брат супруги Махрова штабс-капитан Н. А. Бафталовский в октябре 1918 г. перелетел к белым из Харькова³⁶.

14 декабря 1918 г. Киев был занят силами Директории, гетманский режим прекратил свое существование. Директория слабо контролировала своих командиров. Начались грабежи, погромы, террор в отношении офицерства³⁷. Часть офицеров была спасена от расправы начальником охраны Киева И. Я. Германом³⁸.

В то же время советские войска развернули наступление на Левобережную Украину. В сложившейся ситуации Махрову необходимо было уезжать из Полтавы. 1 января 1919 г. П. С. Махров с супругой и другими беженцами покинули город в надежде пробраться в Добровольческую армию. На вокзале возле поезда командующего Левобе-

режным фронтом войск Директории УНР полковника П. Болбочана Махров заметил нескольких знакомых генштабистов, в том числе полковника Я. В. Величковского.

Позднее на станции Константиноград Махров стал свидетелем поразившей его сцены у вагона Болбочана:

В отдалении, у платформы, где стоял вагон Болбочана раздавался нечеловеческий крик и звериный хохот толпы.

Мы подошли ближе. На платформе стоял в растерзанном виде со включенными волосами с большой бородой какой-то человек. Двое гайдамаков держали его за руки, а третий хлестал плетью по спине.

Не успели утихнуть вопли этого несчастного человека, как кто-то из толпы заорал: «Спивай: нехай живе вільна Украина!» Избитый, захлебываясь, начинал выводить страдальческим голосом мотив «украинского гимна». Толпа не унималась от дьявольского хохота... «Ни так!» — кричал кто-то в толпе, и гайдамаки принимались вновь истязать бесталанного певца. Повторялось: «Спивай: нехай живе вільна Украина!..»

Избиваемый был пожилой еврей. В толпе, развлекавшейся этим эстетическим спортом, можно было видеть офицеров штаба отамана Болбочана...

Сцена была омерзительная. Мы все повернулись и молча направились к своему вагону... «Вот они великая и бескровная!» — думал я. «Вот мир хижинам, смерть дворцам!»³⁹.

Затем Махров вновь оказался в Киеве. Украинская служба не мешала взаимовыручке генштабистов, и полковник Н. А. Капустянский выдал мемуаристу 24 января 1919 г. удостоверение для проезда до Одессы. В этот город генерал прибыл 16 февраля 1919 г., на чем и завершилась «украинская» часть его воспоминаний⁴⁰.

К сожалению, финал этой части достаточно запутан, а последние дни гетманской власти в Киеве ошибочно отнесены Махровым к январю 1919 г. Тем не менее при критическом подходе свидетельства, оставленные генералом, представляют значительный исторический интерес.

Мемуары П. С. Махрова рисуют широкую панораму русской жизни конца XIX — первой половины XX в. При этом они существенно обогащают наши представления о поведении военной элиты в период революционных потрясений, интересны они и в отношении украинских событий.

Показательно, как революционные события и Гражданская война разбросали офицеров даже в рамках одной большой семьи. Так, муж сестры Махрова Надежды полковник А. Н. Светозаров оказался в Красной армии. Родной брат Махрова Николай также оказался у

красных. Братья жены Б. А. и И. А. Бафталовские находились в белых формированиях Востока России. Еще один брат, Н. А. Бафталовский, служил в украинских войсках и на белом Юге. У белых на Юге в 1919 г. оказался и сам П. С. Махров.

Генерал Махров принадлежал к той части русской военной элиты, для которой служба в украинских войсках была неприемлема, а сама идея украинской государственности воспринималась с иронией и скепсисом. Тем не менее он, как и многие другие, пользовался преимуществами нахождения в 1918 г. на территории независимой Украины под защитой немецких штыков, чтобы переждать Гражданскую войну в России. Разумеется, жизнь вносила свои коррективы в поведение офицеров. Критически воспринимавший немцев, генерал, тем не менее, пошел на службу в организацию, занимавшуюся заготовками для оккупантов зерна. Следует обратить внимание и на то, что по мере эскалации Гражданской войны идея уклонения от нее у Махрова сменилась мыслью о необходимости бороться с большевиками в рядах Добровольческой армии. Немаловажным представляется и то, что в чрезвычайных условиях Гражданской войны некоторые офицеры, недавно составлявшие единую корпорацию, демонстрировали взаимовыручку, не останавливаясь перед тем, что помогать приходилось приверженцам иных политических взглядов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Наиболее ярким выражением этого восприятия в художественной форме стал роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» (см. комментированное академическое издание в серии «Литературные памятники» — *Булгаков М. А. Белая гвардия*. М., 2015).

2 Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США (далее — VAR). P.S. Makhrov Collection. Box 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 4. С. 374.

3 Там же. Тетрадь 5. С. 428.

4 Там же. Тетрадь 4. С. 377.

5 Там же. С. 374.

6 Там же. С. 375. П. С. Махров опирался на свидетельство Н. В. Краинского (*Краинский Н. В. Психofilm русской революции*. М., 2016. С. 118). С. В. Петлюра в 1901 г. действительно был исключен из Полтавской духовной семинарии, но за революционно-националистическую пропаганду.

7 Подробнее об украинизации Юго-Западного фронта см.: *Базанов С. Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003; *Ковальчук М.* Битва двух революций: Перша війна Української Народної Республіки з Радянською Росією. 1917–1918 рр. Київ, 2015. Т. 1.

8 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 4. С. 376.

9 Там же. Тетрадь 7. С. 605.

10 Там же. Тетрадь 4. С. 377.

11 Там же.

12 Там же. С. 377–378.

13 Там же. Тетрадь 5. С. 428.

14 Там же. С. 429.

15 Там же.

16 Там же. С. 432.

17 *Ковальчук М.* Битва двух революций. Т. 1. С. 273.

18 Подробнее о Капустянском см.: *Ковальчук М.* Генерал Микола Капустянський. Київ, 2006; *Шандрівський І. Г.* Військово-політична та наукова діяльність Миколи Капустянського. Дисс.... к.и.н. Львів, 2003.

19 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 5. С. 457.

20 Там же. С. 483–484.

21 При расследовании действий советского главнокомандующего М. А. Муравьева речь шла примерно о 300 расстрелянных, называлась в качестве максимальной и цифра в 800 человек (*Гриневич В. А., Гриневич Л. В.* Слідча справа М. А. Муравйова: документована історія. Київ, 2001. С. 52, 87, 137).

22 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 515.

23 Там же. С. 518.

24 Подробнее см.: *Борисенко Е. Ю.* Украинизация в годы революционных потрясений (1917–1923) // Русский сборник. М., 2017. Т. 22. С. 312–328.

25 VAR. P.S. Makhrov Collection. Vox 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 546.

26 *Тинченко Я.* Війська Ясновельможного Пана Гетьмана. Армія Української Держави, травень — грудень 1918 р. Київ, 2014. С. 32–33.

27 См. свидетельство П. П. Скоропадского о его разговоре с генералом В. Гренером по этому вопросу (*Скоропадський П. П.* Спогади. Київ; Філадельфія, 1995. С. 179).

28 Подробнее о нем см.: *Слюсаренко В. А.* На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции: Воспоминания. 1914–1921. М., 2016.

29 Котляревский издал в переводе очень странные переделки Энеид, которых в России почти никто не читал (*примеч. П. С. Махрова*).

30 BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 6. С. 546–547.

31 Там же. С. 546.

32 Там же. С. 547–548.

33 Там же. С. 594.

34 Там же. Тетрадь 7. С. 602.

35 Там же. С. 601.

36 Подробнее см.: *Нешкин М. С., Шабанов В. М.* Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов. М., 2006. С. 34.

37 В нарушение Казатинского договора Директории и германского командования. Часть гетманских офицеров немцы в итоге сумели спасти и вывезти в Германию (Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014. С. 74).

38 BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 4. Развал русского фронта в 1917 году и немецкая оккупация Украины в 1918 г. Тетрадь 7. С. 609–610. П. С. Махров называл генералов А. М. Заболотного и Н. Н. Мартоса, однако это свидетельство вызывает сомнения.

39 Там же. С. 623–624.

40 Последующие воспоминания П. С. Махрова о службе на белом Юге опубликованы в издании: *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994.

A. V. Ganin

Events of the 1917–1919 in Ukraine narrated by General P. S. Makhrov

The article analyzes the unpublished memoirs of General P. S. Makhrov about the events of the revolution and the Civil war in the Ukraine in 1917–1919. Makhrov's Memoirs are an important source for the different events of the late XIX — first half of the XX century. Primarily on the history of the First world and Civil wars. The memoirist describes in detail the process of Ukrainization of the South-Western front in late 1917 — early 1918 and the behavior of officers in this regard. Activities of officers during the period of existence of the Ukrainian state of Hetman P. Skoropadsky and their subsequent choice.

Keywords: *Civil war, revolution, Ukraine, officers.*